

Николай Михайлович Карамзин

Анекдот

Николай Михайлович Карамзин

Анекдот

«...Нет, нет! будем несчастливы, когда угодно Провидению отнимать у нас радости, но останемся на сцене до последнего акта – останемся в училище горестей до той минуты, как таинственный звонок перезовет нас в другое место! – А вы, молодые люди, в несчастиях и в потерях своих не обманывайте себя мыслию, что рана ваша неисцелима: нет! юное сердце, пылая жизнью, излечается от горестей собственною внутреннею силою – и сие выздоровление обновляет его чувствительность к удовольствиям жизни...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Николай Михайлович
Карамзин
Анекдотъ**

Шесть человекъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ трактирѣ Крестовскаго острова въ П – Ъ. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа Н. Н., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. они веселились безъ памяти, стучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ затихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость откровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У cadaго было сердце на языкѣ; всякой рассказывалъ о своихъ желаніяхъ; надеждахъ, успѣхахъ, и неудачахъ. Ліодоръ наименовалъ Эмилию – и всѣ закричали: «какъ ты щастливъ, естли она тебя любитъ!» Эмилиа была одною изъ первыхъ Мо – скихъ красавицъ. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки портретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Восклищанія: «какъ ты щастливъ!» повторялись. «Ахъ! благодарю Судьбу!» сказалъ онъ: «кто имѣетъ прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года отъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!» Ліодоръ, говоря таки-

мъ образомъ, съ горячностію обнималъ Милона, нѣжнаго друга своего. ... Между тѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье утомило молодыхъ людей: надлежало разстаться, впредь до скорого и радостнаго свиданія.

Людоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря красила небо, отсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Людоръ былъ въ самомъ щастливѣйшемъ расположеніи, и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила жизнь! Какъ все хорошо въ свѣтѣ! никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу!* – На берегу друзья простились; имъ надлежало идти въ разныя стороны. Людоръ остановился, взглянулъ назадъ, и видя, что Милонъ также стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился еще разъ обнять друга; глаза его наполнились слезами, радостными и сладкими..... Предчувствіемъ бѣдствія называемъ мы обыкновенно уныніе и тоску безъ извѣстной причины; но иногда таится оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизъяснимомъ сердечномъ удовольствіи. Щастье, готовясь оставить насъ, представляется сердцу

во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ отминою живостію. Судьба, поднимая руку съ мечемъ, другою сыплетъ цвѣты на жертву свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Людоръ нашель дома письмо изъ Мовы, въ которомъ увѣдомляли его объ Эмилиной скоропостижной смерти!.. Есть горести, которыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человекъ наконецъ опомнился – и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Людору преступленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: «я въ отчаяніи, а ты не знаешь!» – У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана, а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на столѣ: онъ умеръ наканунѣ!..

Людоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ

горячностію – и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу N. N., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодоръ не было лица человеческого, онъ требовалъ своей отставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣтовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся.... Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, – былъ такъ веселъ и щастливъ!.. онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ уѣхалъ изъ П – а, съ намѣреніемъ, которое для него самого было неясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно перемѣнить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перемѣнилась. – Открылась М – ва, въ которую воображеніе и сердце его такъ часто летало, и куда онъ надѣялся возвратиться за тѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмилиєю!.. Ліодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До – ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала

глубокая тишина, разительный образ спокойствія могиль, которыми онъ наполненъ. Въ семь истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-то симпатія.... Ліодоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмилиєю и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери: подлѣ сего монумента лежалъ новой камень... Сердце несчастнаго любовника затрепетало; онъ бросился на колѣни – цѣловалъ, омывалъ слезами Эмилиину могилу – говорилъ съ мертвою какъ съ живою – описывалъ ей отчаяніе любви своей – душа его дѣлилась между небомъ и землею, стремясь къ остаткамъ тлѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его... въ сіи минуты, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкоторымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ – осязаемъ, кажется, эфирное су-

щество ихъ. Живость сихъ восторговъ заставляетъ насъ думать, что они не совсѣмъ мечтательны, и что смерть не есть совершенный разрывъ сердець, которыя жили однимъ чувствомъ. Естьли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить память любезныхъ, то неужели они въ другой сферѣ бытія совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милаго? и что останется нетлѣннаго въ душѣ, естьли въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи восторги не продолжительны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый лучъ надежды.

Въ семь монастырь и въ сей вечеръ Людоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суетѣ міра, указывалъ на гробы!.. онъ утѣшалъ молодаго человѣка, но единственно такъ, какъ утѣшаетъ Религія — не мечтами, не видами

НОВЫХЪ удовольствій въ жизни, а необходимостію покоряться таинственной Волѣ Всевышняго.

Ліодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во-ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко оттуда есть монастырь, основанный (какъ говоритъ преданіе) въ шестомъ-надесять вѣкѣ однимъ несчастнымъ отцомъ и супругомъ, который служилъ въ войскѣ Царя, возвратился въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сгорѣли во время его отсутствія. Онъ построилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и навѣки отказаться отъ міра. Начальникъ тамошняго Духовенства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человѣкъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ христіянскихъ отшельниковъ. Господинъ П*** (который рассказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ втораго года. Ліодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мертвымъ для

свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ нещастіяхъ и потеряхъ. – Господинъ П*** увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закраснѣвши указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмилии. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; рассказывалъ всѣ обстоятельства своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П***, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ молодой человѣкъ: «я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. – Вотъ гробъ мой!» примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П*** узналъ, что Ліодоръ умеръ, *будучи выгнанъ изъ монастыря за непристойныя поступки*, которыхъ я не хочу описывать!!.. Вотъ феномень человеческого сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ нещастливы, когда угодно Провидѣнію отнимать у насъ радости,

но останемся на сценѣ до послѣдняго акта – останемся въ училищѣ горестей до той минуты, какъ таинственный звонокъ перезоветъ насъ въ другое мѣсто! – А вы, молодые люди, въ несчастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслию, что рана ваша неизцѣлима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнію, излечается отъ горестей собственною внутреннею силою – и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. – Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единственно утраты бываютъ невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйствовать вопреки плану Натуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Естьли между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія; естьли не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хотя для разсѣянія, хотя для удовольствія другихъ людей, опираясь на якорь Религіи, которая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдствіяхъ, но не обманываетъ человѣка такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ

ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

Р. П.

Примечания

Указатель къ **Вѣстнику Европы** 1802–1830
Анекдотъ (ч. 6, № 22; стр. 108–116), под-
писано Р. П. Разказъ Н. М. Карамзина, пере-
печ. въ П. С. С., изд Смирдина, т. 3, стр. 538.